

Журналист И. Русаков занимался изучением дореволюционного периода в истории русского театра в Осетии. Он написал первый раздел книги, которую издательство «Ира» выпускает к столетию этого театра, отмечая при этом, что бюро обкома партии и большой праздник культуры в апреле 1971 года.

Редакция публикует сегодня одну из глав этой книги. В ней рассказывается о том, как Владикавказский театр начал свою историю, дерзновенным спектаклем «Маскарад» и провел первые сезоны.

ТЕАТР поднимал значащий вес... Его устроители не стали ждать зимы, чтобы начать первый сезон. 1 апреля (по ст. ст.) 1871 года закончилось оборудование театра, а директор по распорядительной части уже сформировал драматическую труппу и способную, — как отмечала местная газета «Терские ведомости», — украсить любую провинциальную сцену.

В труппе было двенадцать актеров и актрис. Газета представляла их своим читателям следующим образом: «Между артистами выделяются гг. Абрамов и Журин (интерпретатор театров), из них первый — режиссер, за ними следуют г. Прокофьев (комик), г. Великий (резонер), г. Алеев (играет всякие роли), г. Сазонников (играет простачков и танцовщиков), г. Ларин (играет русских мужиков и показывающих), остальные играют второстепенные роли. Между артистами же превостоят г-жа Федорова 1-я (драматическая артистка), г-жа Великая (играет комических старух и горничных), г-жа Прокофьева (грязепок и крестьянок).

г-жа Владимиров (важные барыни), г-жа Сазонникова, г-жа Федорова 2-я и другие — по второстепенным ролям. Г-жа Сазонникова, кроме того, танцует русские, малоросийские и польские танцы. В балете участвуют девушки Елизавета и Елена Менцели, в особенности первая».

Таковы имена первых актеров нашего театра и их амбула, существовавшие тогда в сценическом обиходе, — многие из них звучат сегодня курьезно.

15 апреля 1871 года Владикавказский театр открылся. Вот газетная информация об этом, опубликованная 16 апреля в № 16 «Терских ведомостей»:

«Владикавказский театр, столь нетерпеливо ожидаемый публикой, открыт, наконец, со вчерашнего числа и в тот же день давалось первое представление, на котором игрались «Маскарад» Лермонтова и возмесье «Женя на золотого отделения» в «Жена всему виной». В начале хор и оркестр исполняли гимн».

Итак, первый спектакль — «Маскарад» Лермонтова. Новый театр на Кавказе открывается пьесой о пьяном роде с горючей всероссийской славы горлового зомбилюба, чья творчество вдохновляла прекрасная и ведящийся край гор, это омытые люди... Театр открывался пьесой, на которую варские сатрапы наложил запрет под жизни Лермонтова, разглядев в ней сатиру на великосветское об-

щество, злое обличение его клеветников и сплетников...

О многом говорим выбор премьеры. Несомненно, этот выбор сделан стараниями образованных, мыслящих людей из среды владикавказского общества и приглашенной труппы актеров. Устроители премьеры не увлеклись модными пьесами того времени — псевдоисторическими и развлекательными, — они постарались сделать заявку на серьезный театр.

Начальник Терской области Лорис-Меликов, задумав открыть театр во Владикавказе в расчете, что он будет служить потребностям привилегированного общества, интересам самодержавной политики. Очевидно, он не решился наложить запрет на постановку «Маскарада», желая выглядеть в глазах общества либералом, прогрессивным человеком.

Жизнь, ее идеологические течения, сама демократическая природа театра, где каждый в равной степени пользовался благами сценического представления, независимо от места в партере или на галерке, — все это оказалось в противоречии с замыслами вавилоника области, целями, которые он ставил перед театром.

Сцена доконала город... Газета в провинциальном тоне отмечала рецензией или заметкой почти каждый спектакль — ведь речь шла о небывалых культурных событиях в городе. «Спектакль за спектаклем следуют на нашей сцене, — так

начинался отчет о бенефисе режиссера Абрамова, — и мало отзвучать должное, полную справедливости распорядителя и труппе, чем дальше, тем с большим успехом».

Впервые в городе актеры показывают «Пучину» Островского и «Свадьбу Кречинского» Сухово-Кобылина — пьесы, которые до сих пор живут на нашей сцене. Издут вместе с ними и модные мелодрамы, романтические вешни, не оставившие никакого следа в истории драматургии, кроме незабываемой памяти. Театр платит тяжелую дань времени. Но этой дани властям показалось мало...

Сезон закончился в августе. Пожалуй, только Лорис-Меликов и его окружение остались недовольными итогами сезона, выбором пьес. Последовала административная мера — Лорис-Меликов назначил директором театра не кого-нибудь, а привателю своей канцелярии полковника Симеялова, так сказать, по совестительству, для наведения должного порядка в драме искусства... Через некоторое время в помощь ему к управлению театральным делом приставили еще одного полковника — Софроню — и откупщика Корганова.

Прежнее вуконводство, мало полагать, не оповдало доверия начальства. Все расчеты теперь возлагались на звук полковников и алмазные видокуренного завола...

Трудной, подвижной

была судьба русского провинциального театра. Частником стояла преграда перед его стремлением честно выполнять свое назначение, быть, по словам Гоголя, «хафетрой», с которой можно много сказать миру добра. Полнейший надзор и тупое начальство, бесконечная унижительная зависимость от кассы, от богатой публики, требовавшей развлечений и острых ощущений, потом бездарных, пуштых и вредных пьес, порой профессиональная беспомощность актеров... Всех преград не перечислить.

Горечь этой судьбы Владикавказский театр познал в полной мере; особенно трудно пришлось в годы становления.

Второй сезон начался в том же 1871 году, в конце осени. На сцене вместе с драматическими спектаклями появилась оперетка, захлестнувшая все театры России, зрители легкого и далекого от общественных проблем.

Изет, с полного озоборения театральным заправил, «Все мы жаждем любви» Лекава — мюзикл в те годы оперетта. Она была вполне по вкусу богатой публики.

В газете появляются «глубокомысленные» советы, явно подкаженные сверху: «Давать серьезные вещи изредка, и с самым строгим выбором, преимущественно же предлагать публике пьесы комические, живые».

Так и стали делать, но произошла странная история.

Театр, который так охотно посещался летом, начал пустовать. Рецензенты с недоумением отмечали, что «актеры из кожи лезут, чтобы расшевелить публику», и все без толку... Очевидно, причина этого была и в репертуаре, и в самих актерах, в их тусклой, неинтересной игре.

Новую труппу набрали с таким расчетом, чтобы один и те же актеры могли играть и драму и оперетту. В прошлом веке так было принято и получалось, может быть, и неплохо, но далеко не всегда... На этот раз тот, кто пел, не умел играть — и наоборот... Даже у неискушенных еще зрителей Владикавказа вызывала возмущение манера игры многих служителей сцены, которая не имела ничего общего с реалистической школой, с правдивостью и жизненностью образов.

Одним из таких жрецов искусства рецензент «Терских ведомостей» критиковал за «вражеские глаза, ломку своего корпуса, искусственную позу, поддельные улыбки, шумные втягивания в себя воздуха в момент сильного душевного переживания»... После таких любопытных, обидных выножений нетрудно представить, как этот актер вел свои роли...

На третий по счету сезон в театр удалось заполучить несколько талантливых актеров и актрис. Публике и рецензентам понравился Лукашечко, (Окончание на 4 стр.).

защелка богатые дома в выключивали там деньги за обчужденные дома и места в партере.

В том же сезоне произошло еще одно примечательное обстоятельство. Люди, ждавшие от театра отнюдь не пустых,

писать, конечно, не могли. Их рецензия не отличалась глубиной и ограничивалась, главным образом, оценкой исполнения